Текст · 21 февраля 2020, 12:24
Дмитрий Швец,

Трое из идеальной пары. Как контр-адмирал в отставке посадил судью и адвоката и избежал долга в 229 миллионов рублей

Симоновский суд Москвы вынес повторный приговор бывшему судье Игорю Корогодову, обвиняемому в покушении на мошенничество; второй подсудимый — адвокат Игорь Мосин. Обвиняемые получили 3,5 и 2 года лишения свободы. Потерпевшим по делу проходит контр-адмирал в отставке.

«Медиазона» рассказывает детективную историю, где все герои стоят друг друга: ушлый судья, понадеявшийся всех обмануть и подработать, но попавший в оперативную разработку ФСБ, и бывший силовик, избавившийся от колоссального долга и даже не заплативший за это юристу.

Боевое братство

Они познакомились на юбилее жены общего приятеля. Оба — бывшие военные.

Арбитражный судья Игорь Корогодов — бывший следователь военной прокуратуры, помощник прокурора группы пограничных войск в Арктике, воевал во второй чеченской, заслужил благодарность от президента Владимира Путина. Потом — главная военная прокуратура, а с 2006 года — Арбитражный суд Москвы.

Послужной список Игоря Донского еще внушительнее. Контр-адмирал в отставке «был единственным из политработников, удостоенным орденов Красного Знамени и Красной Звезды», — писал о нем «Коммерсант». Служил на Северном флоте, потом перевелся в Федеральную погранслужбу[1]. Ушел в бизнес, вернулся на госслужбу в ФССП[2], в 2019 году он говорил корреспонденту «Медиазоны», что перешел в «Роснефть».

Упомянутый бизнес — это должность гендиректора компании «Судкомгрупп», которую он занял в 2004 году. *Transparency International* и «Муниципальный сканер» выяснили, что эта организация владела долями нескольких промышленных компаний[3].

В начале 2016 года из-за этого бизнеса у Донского начались проблемы. «Судкомгрупп» признали банкротом, а конкурсный управляющий компании подал в суд, где потребовал взыскать с контр-адмирала 229 млн рублей.

Решение о банкротстве принимал судья арбитражного суда Москвы Вадим Сторублев. И он же должен был рассматривать требование к Донскому отдать 229 миллионов рублей. Тут бывший офицер и

вспомнил о своем знакомстве с арбитражным судьей Корогодовым.

Капкан

Юбилей, на котором впервые встретились двое бывших военных, отмечала жена Олега Шведкова, главы Общероссийского профсоюза военных. Донской позвонил профсоюзному лидеру и попросил вновь свести его с судьей. К тому же выяснилось: судьи Корогодов и Сторублев — бывшие однокурсники, они вместе учились на юрфаке института Минобороны СССР.

В начале января 2016 года Донской и Шведков пришли к судье Корогодову в служебный кабинет. Они попросили о встрече уже со Сторублевым — тот отказал, объяснив, что в судейском сообществе так не принято. Вместо этого он порекомендовал адвоката Александра Мосина.

Через несколько дней похлопотать за Донского вызвался еще один человек, замглавы Федеральной службы судебных приставов Владимир Воронин. Арбитражного судью Корогодова он знал по работе в военной прокуратуре. В своих показаниях он вспоминал, что контр-адмирал в отставке просил о консультации, Воронин позвонил Корогодову, но судья ответил, что уже с ним встречался.

К рекомендованному Корогодовым адвокату Мосину офицер вместе с главой профсоюза пришли

через пару недель. Мосин попросил гонорар в 5 тысяч долларов за работу юриста. Обсуждалась и возможность повлиять на исход дела непосредственно через судью Сторублева — за куда более крупную сумму. Донской заметил, что и 5 тысяч долларов для него — очень значительные деньги, и ушел.

Позже в суде Донской вспоминал, как несколько знакомых юристов — их имен он не назвал — объяснили ему, будто бы офицер попал в «классический судейско-адвокатский капкан».

«Адвокаты говорили: "Если ты не заплатишь деньги, то получишь [задолженность в] 220 млн от Сторублева". Я думал, то ли мне 70 тысяч [долларов] искать, то ли надо мной нависает знакомый Мосина Сторублев, которого он хорошо знает и решает вопросы, и мне бабахнут субсидиарную ответственность на 220 миллионов. Это просто брать наградной пистолет и стреляться», — говорил Донской.

Удрученный контр-адмирал не мог решить, что же ему делать. Однажды по телевизору он увидел заседание совета по противодействию коррупции при президенте. Выступал Сергей Иванов, на тот момент — глава администрации президента и председатель президиума этого совета.

«Как будто про меня Иванов выступает и говорит: товарищ президент, у нас возникла проблема с так называемыми посредниками в коррупционных делах, когда судья говорит: "Я вопрос решить не могу, вот тебе адвокат". Вот просто как калька с меня снята.

Я понял, что я должен сдаваться и платить ни за что, или я должен как нормальный человек с этим бороться. Я решил бороться и не сдаваться, тем более что я никакой вины и опасности не ощущал», — уверял контр-адмирал.

Веточка для адвоката

Вербное воскресенье, 24 апреля 2016 года. Арбитражный судья Игорь Корогодов приезжает на парковку у Донского монастыря в центре Москвы. У судьи назначена встреча, но он приехал чуть раньше: остается время поставить свечи в одном из храмов и купить пучок вербы. Скоро к монастырю приезжает адвокат Игорь Мосин.

— Слушай, ну Донской меня вообще просто затрахал, — жалуется адвокат Мосин.

— Да? А чего? — уточняет судья.

— Будет — не будет в понедельник, решено, говорит, а если деньги будут лежать, в понедельник-то решит Вадим или нет?

— Да я думаю решит, знаешь, процесс — дело такое.

Видео на YouTube

YouTube

Встреча в вербное воскресенье

@mz-video

https://youtu.be/7NdRDiyd-IQ

Видео из материалов уголовного дела

Судья обещает «поговорить с Вадимом» и объяснить, что Донской — «такой нытик». Секундное молчание прерывает адвокат Мосин: «Да привез я». Собеседники подходят к машине судьи с разных сторон, Мосин кладет на пассажирское сиденье свой портфель, судья протягивает руку и достает оттуда сверток.

— Ну спасибо за клиента, Игорь, — нервно говорит адвокат. — На майские что делаешь-то?

— Да здесь я буду, — отвечает судья и подходит к нему.

Он протягивает адвокату несколько веточек вербы, советует поставить их дома. Продолжая говорить, оборачивается — сзади к нему приближаются несколько мужчин. Они представляются сотрудниками ФСБ.

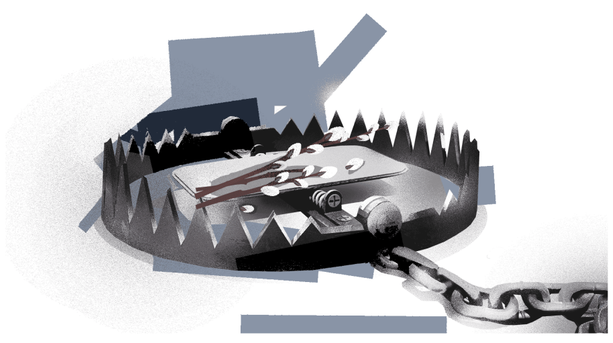

Иллюстрация: Анна Макарова / Медиазона

Особый статус

Убедив себя, что он оказался в «капкане», контр-адмирал в отставке Игорь Донской обратился в правоохранительные органы. Откликнулись в ФСБ. Новые встречи с адвокатом Мосиным уже фиксировались на скрытую видеокамеру.

В феврале 2016 года Донской и Мосин заключили соглашение. Параллельно с подготовкой позиции по

иску опять встает вопрос о том, как бы задобрить судью Сторублева. Адвокат говорит, что недавно разрешение аналогичного дела обошлось в 70 тысяч долларов.

На следующих встречах юрист и его доверитель обсуждают эти же темы: юридическая позиция в арбитраже и деньги для судьи. Заседание назначается на 25 апреля, деньги нужно передать заранее. 21 апреля Донской приносит в кабинет Мосину 4 тысячи долларов и муляж 66 тысяч долларов. При получении денег юриста задерживают.

«Мои родные 4 тысячи долларов, которые я дал для следственного эксперимента, они опылялись или что-то писалось там, по-моему слово "взятка", при мне — я в большей степени за них переживал. Сказали: суд закончится, дадут. Но слово "взятка" же останется? [Сказали, что] есть специальный раствор, который позволяет их потом использовать», — вспоминал Донской.

Те же меченые деньги Мосин на следующий день после беседы с сотрудниками спецслужбы несет на встречу с судьей Корогодовым.

Сотрудникам ФСБ арбитражный судья дает письменное объяснение: его дочь проходит практику в адвокатском бюро «Лекс-Инвест», где работает Мосин, ее-то они и собирались обсуждать. Машина принадлежит его матери, судья только что забрал ее из техосмотра. Он видел сверток, но решил, что там лежат какие-то старые детали.

Часа через три Корогодова отпускают: по своему статусу судьи неприкосновенны, для уголовного дела и задержания нужна санкция Высшей квалификационной коллегии судей и председателя Следственного комитета.

Чтобы возбудить дело, главе СК Александру Бастрыкину потребовалось больше года. В июле 2017-го Корогодова, к тому времени уже лишенного статуса судьи, обвинят в покушении на мошенничество в особо крупном размере (часть 3 статьи 30, часть 4 статьи 159 УК), а бывшего адвоката Мосина — в посредничестве во взяточничестве в особо крупном размере (часть 4 статьи 291.1 УК).

Цу-е-фа

Версии троих главных фигурантов уголовного дела — обвиняемых судьи Корогодова с адвокатом Мосиным и контр-адмирала Донского, признанного потерпевшим — расходятся практически во всем.

Донской настаивает: возможность «решить вопрос» напрямую через судью Сторублева упомянул Мосин еще при знакомстве. Тогда же он сказал, что стоить это будет «не 10 и не 15 тысяч долларов, а значительно больше». Когда контр-адмирал сказал, что таких денег у него нет, а виновным он себя не считает, адвокат отреагировал: «Отлично, мы не почтальоны, значит, будем идти по закону».

В этой фразе — «идти по закону» — бывший сотрудник ФССП и других силовых структур почувствовал угрозу.

«Это мое восприятие после общения с вашими коллегами (юристами. — МЗ) Я не говорю, что это правильно: если бы это было без привязки ко мне и конкретной ситуации, если бы это было без фразы про десять, пятнадцать тысяч и более — я бы воспринял, что это нормальная позиция, честная. В том контексте, который тогда был, я воспринял это как завуалированное предупреждение, что мне подтвердили другие коллеги», — объяснялся он в суде.

При этом Донской спрашивал у адвоката, обязательно ли дело будет проиграно, если не заплатить судье. Мосин отвечал: «Это не значит, что вы проиграете этот процесс, у нас так не делается».

— Какие основания ваши [были] думать, что раз не дал денег — то капкан, обязательно проиграете? — спрашивали защитники в суде у Донского.

— Основания — мое внутреннее ощущение, у меня основания — выводы коллег из адвокатско-юридического сообщества. Я понимал, что моих оснований, наверное, недостаточно, поэтому я написал в заявлении, что я подозреваю в действиях Мосина признаки преступления по отношению ко мне — разберитесь, товарищи. И они разобрались, оказывается, я был прав по ощущениям, — объяснял он.

Отставной офицер говорит, что, под угрозой выплаты колоссальной суммы, воспринимал адвоката Мосина и судью Корогодова как «единое целое». При этом в суде он уверял, что если бы получил от Мосина однозначный отказ в передаче денег, то продолжил бы сотрудничество с этим адвокатом.

Вопрос этики, а не УК

Адвокат Мосин уверяет: первым тему передачи денег затронул сам Донской, а с судьей Корогодовым обсуждалась несколько иная схема.

«Корогодов сказал: "В случае, если Донской обратится с такой просьбой [повлиять на судью] — тогда скажи, что знаешь Сторублева", это основа всех моих показаний. Ни на одной встрече нет слов с моей стороны, что надо платить какие-то деньги, есть только слова об обратном», — настаивает юрист.

Бывший адвокат настаивает: он был уверен, что Корогодов оставит деньги себе, но попросит коллегу и однокашника Сторублева повнимательней отнестись к делу.

«Есть нормальная позиция, можно выиграть, но судьи не всегда внимательно могут посмотреть, они сидят до девяти-десяти вечера, глаз замыливается. Я рассчитывал, что Корогодов поговорит с судьей и тот посмотрит более внимательно — вот и все, — пересказывает юрист свою позицию. — По мне, это логично: а почему он [Корогодов] должен бесплатно что-то делать? Я считаю, что это не преступление Корогодова, а должностное… может быть, этике не соответствовало, еще что-то».

Сумма, по его словам, появилась так: Корогодов предупредил, что если встанет вопрос о том, сколько будет стоить его разговор со Сторублевым, то надо сказать: не меньше 70 тысяч долларов.

Вторая встреча Донского с адвокатом уже записывалась. Контр-адмирал в отставке сам предложил «вернуться к тому разговору, который был на первой встрече», и попросил назвать стоимость услуги Сторублева. Мосин ответил, что «по опыту» разрешение аналогичного вопроса стоило как раз 70 тысяч долларов.

Мосин также добавляет, что 70 тысяч долларов — сумма, сопоставимая с гонораром успеха в деле о субсидиарной ответственности на 229 млн рублей.

«Я разговаривал с эфэсбэшниками, они говорят: если бы Корогодов согласился за пять тысяч долларов или бутылку виски, ничего бы не было, — откровенничает бывший адвокат. — Если бы он сказал: "Ребята, идите к адвокату, он вам сделает правовую позицию, а я пойду с судьей поговорю, а нам надо поляну накрыть и там дом отдыха 5 тысяч долларов обойдется, тогда

бы вообще никакого шума не было". Но это тоже для меня противно: за 5 тысяч можно, а за 70 — нельзя, а в чем разница?».

Юрист настаивает, что действовал исключительно в интересах клиента. «Давайте откровенно: вот есть проблема судебная, у вас адвокат, вы к нему приходите, говорите — слушай, у меня оказались кумовья с судьей, который рассматривает мое дело, близкие люди, как вы считаете, если я к ним обращусь, это улучшит мое дело? Я, конечно, скажу "да", чего мы лукавим? Если люди обратятся и скажут повнимательней посмотреть, это будет лучше», — рассуждает он.

По его мнению, значительную роль сыграло и то, что все герои этой истории — бывшие военные, от адвокатов до Шведкова, «который всех свел».

«Они вдруг считают, что они, бывшие офицеры, приходят к Корогодову, действующему судье, бывшему офицеру, говорят "помоги", и он должен безусловно им помогать. Ну как-то странно», — рассуждает юрист.

Но главное, на чем Мосин настаивает: все разговоры о передаче денег инициировал Донской. По запросу его защиты кандидат филологических наук Оксана Грунченко из Института русского языка имени Виноградова провела лингвистическое исследование записи той встречи, где адвокат и контр-адмирал впервые под запись обсуждают взятку. Она пришла к выводу, что Донской[4] инициировал тему денег, называл суммы и валюту, а также перебивал Мосина,

в то время как адвокат сам ни разу к этому вопросу не обращался.

Адвокат также утверждает, что Донской просил устроить встречу с Корогодовым — получить какие-то гарантии, но Мосин отказался это делать.

Глава профсоюза Шведков, тоже присутствовавший при том разговоре, говорит «Медиазоне», что «Донской спрашивал о возможности встречи с судьей, а адвокат намекнул, что это будет стоить на порядок больше тех услуг, которые он оказывает по ведению процесса».

В разговоре с «Медиазоной» Мосин подчеркнул, что вернул Донскому свой адвокатский гонорар.

Вмешательство излишне, деньги — нет

Бывший судья Корогодов считает, что он стал жертвой провокации. По его версии, это Донской просил о встрече со Сторублевым и напирал на офицерскую солидарность, а профсоюзный лидер Шведков «поддакивал сюсюканью бывшего контр-адмирала».

Корогодов говорит, что адвокат Мосин связался с ним во второй половине февраля, рассказал о заключенном соглашении и попросил повидаться. В салоне красоты у метро «Академическая» адвокат сказал судье, что готов дать ему 15 тысяч долларов за хлопоты, чтобы с Донского не взыскали 229 млн рублей. Судья утверждает, что решил всех перехитрить.

«Я сказал Мосину, что постараюсь этот вопрос решить; но не говорил ему, что передам даже какую-то часть денег Сторублеву. На самом деле я не намеревался этого делать: если дело разрешится в пользу Донского, я оставлю все 15 тысяч долларов себе, в противном случае — верну деньги, — говорит Корогодов. — Я на основании изученных мною документов, а также заверений Донского, Шведкова и адвоката Мосина полагал, что дело и без моего вмешательства может решиться в пользу Донского».

Корогодов настаивает: на встрече у монастыря адвокат должен был дать ему 15, а не 70 тысяч долларов. При этом адвокат Мосин не стал отвечать на вопрос, сколько он, по договоренности с судьей, должен был привезти ему к Донскому монастырю.

Бывший судья уверяет, что всегда придерживался этой точки зрения, но, возможно, это не так. На флешке с разными документами, которую он передал корреспонденту «Медиазоны», есть его объяснения, датированные 17 мая 2016 года, то есть через три недели после встречи у монастыря. В файле говорится, будто бы за неделю до той встречи, 18 апреля, он в помещении Арбитражного суда Москвы сказал своему коллеге о возможности получить 70 тысяч долларов, и тот согласился, а Корогодов уведомил об этом адвоката Мосина.

Документ заканчивается фразой: «Полученные от Мосина денежные средства в сумме 70 тысяч долларов США я должен был передать Сторублеву 25 апреля 2016 года в здании Арбитражного суда». Эти объяснения, согласно документу, у Корогодова взял оперативник службы экономической безопасности

ФСБ Александр Ушаков, но в протоколе его допроса этот эпизод не упоминается.

«С этими объяснениями вопрос будет отдельный, я буду с ними разбираться. Потому что если бы эти объяснения легли в материалы дела, то было бы не покушение на мошенничество, а посредничество во взяточничестве. Как мы понимаем, тех слов, которые в объяснениях, нет ни в обвинительном заключении, ни в приговоре. Без других комментариев. Это не мои объяснения», — уверяет он корреспондента «Медиазоны».

На этой же флешке есть еще один текст объяснений Корогодова, датированные уже июнем 2016 года, но кому бывший судья их давал — непонятно, первый лист документа отсутствует. В этих показаниях говорится, что Корогодов хотел получить уже 70 тысяч долларов, но Сторублеву об этом ничего не говорил и передавать ничего не собирался.

«Я оговорил Сторублева, испугавшись наступления для себя возможных негативных последствий, — приводятся в бумаге его слова. — Я по инерции продолжал говорить то, что придумал для Мосина, не отдавая себе отчет, что я таким образом обвиняю невиновного человека в совершении тяжкого преступления».

Объяснения, где говорится, что Сторублев знал о взятке, все же упоминаются и в документах Следственного комитета, и в материалах квалификационной коллегии судей Москвы, которая вскоре лишила Корогодова статуса судьи и приостановила полномочия Сторублева.

После этого Сторублев, не дожидаясь решения вопроса об окончательном лишении статуса судьи, подал в отставку. Во всех протоколах допросов он говорил, что вообще не знал Донского и Мосина и не обсуждал это дело с Корогодовым.

Иллюстрация: Анна Макарова / Медиазона

Старый матрос, вешалка, телевизор и списание 229 млн рублей

Поскольку Сторублев лишился статуса судьи, дело о взыскании с Донского 229 млн рублей перешло к его коллеге Сергею Истомину.

Страховая компания «Жасо» требовала с отставного офицера 229 млн рублей, поскольку тот был гендиректором компании «Судкомгрупп»[5] с 2004 года вплоть до объявления компании банкротом в мае 2013 года.

Позиция Донского заключалась в том, что на самом деле он уволился из компании, где был, по сути,

единственным сотрудником, еще в 2010 году, и поэтому никаких денег никому не должен.

В качестве доказательств контр-адмирал привел заявление об увольнении в 2010 году, жалобу в Общероссийский профсоюз военных, что ему не платили зарплату в 2 тысячи рублей и не заключали с ним трудовой договор, переписку с председателем совета директоров «Судкомгрупп» Гербертом Цатуровым.

Свои показания дали двое свидетелей: Шведков и Олег Сухов — бывший моряк, работавший охранником в здании на Проспекте мира, где организация занимала офис. Сухов, в частности, вспоминал, что Донской, увольняясь из «Судкомгрупп», вынес из своего кабинета вешалку, пакет с обувью и маленький телевизор.

«Отзыв на заявление конкурсного управляющего», то есть версия Донского, прорабатывалась адвокатом Мосиным и обсуждалась на встречах, которые фиксировались на скрытую камеру ФСБ. Так записи разговоров с защитником оказались в материалах уголовного дела. Обоих потенциальных свидетелей Донской охарактеризовал так:

«Шведков — это мой господин и товарищ, он знает все обо мне, я знаю все о нем. Что касается второго, который охранником там работает, то ответ тоже элементарный: я адмирал, а он старшина на Северном флоте, служил, и поэтому, когда там работали, он знал, кто я такой, и мы порой с ним говорили и о жизни, и о спорте, и о футболе, и о службе на флоте, он как раз может напомнить эпизод, когда меня,

адмирала, оттуда выперли — вот и простой ответ на вопрос, почему он помнит».

> Само появление у «Судкомгрупп» задолженности бывший *адвокат* объясняет так: у компании было дочернее предприятие «Пром медиа», оно выдало векселя страховой организации «Жасо»; «Жасо», в свою очередь, дало деньги на строительство дома, «Судкомгрупп» при этом выступила авалиситом, то есть поручителем.
> На одной из записей в уголовном деле Донской вспоминает, что идею строительства подал директор, имя которого бывший офицер не вспомнил и который к моменту разговора уже скончался. Тот предложил проект, «великолепный на тот период, имея какие-то связи в правительстве города Москвы, поучаствовать в строительстве жилья на левом берегу [реки] Москвы».
> «Для этого нужны были деньги, живые деньги. Живые деньги они договорились взять у «Жасо», потому что с «Жасо» у них были свои дела, у них — я имею в виду Цатурова, банк и все прочее. «Жасо» им дал деньги <...> И они начали делать, и дома стоят и квартиры есть, которые хотели реализовать по хорошей цене и дать заработать всем. В тот период я не понимал, что такое «аваль», что такое «фирма-учредитель». Я подписал этот аваль, вот как я попал-то на эти деньги, а сейчас-то жилье построилось на левом берегу, рынок рухнул, «Жасо» от этих квартир, которые хотели, отказалось, и нормальным как бы образом судятся», — говорил он.

Мосин начинает опасаться, что в суде охранник Сухов может дать другие показания, Донской его успокаивает: «Ничего он не скажет, я же ему как-то спасибо скажу». Когда эта запись обсуждалась уже на уголовном процессе против Мосина и Корогодова, адвокат судьи припомнил Донскому этот эпизод.

— Что означают ваши слова <...> «я же ему скажу спасибо»?

— А я ему спасибо сказал.

— Какое?

— Бутылка водки и банка икры! Которые купил на собственные деньги.

Донской подал в полицию заявление о том, что кто-то подделывал его подпись на финансовых отчетных документах «Судкомгрупп» в 2010-2013 годах, когда он там уже не работал. МВД по его обращению не стало заводить уголовное дело.

Судье Истомину эти доказательства показались убедительными, и он отказался взыскивать с Донского 229 млн рублей.

Бывший судья Корогодов, который после возбуждения дела невзлюбил контр-адмирала, полагает, что его оппонент рассуждал так: если в 2013 году Сторублев признал «Судкомгрупп» банкротом, то от него можно было ожидать и взыскания 230 млн рублей, а доказательства Донского показались бы ему сомнительными.

«Донской был уверен, что после интенсивного воздействия на судей Корогодова и Сторублева с использованием правоохранительных органов никто в Арбитражном суде Москвы вынести решение в пользу заявленных к нему по делу ОАО «Судкомгрупп» требований не решится, проверкой доброкачественности представленных им доказательств заниматься не станет», — уверен Корогодов.

Бывший судья утверждает, что за несколько месяцев до начала арбитражного процесса Донской «неожиданно затеял бракоразводный процесс со своей супругой и подарил ей свой загородный особняк стоимостью более тридцати миллионов рублей».

До обсуждения этих тем с господином Донским у корреспондента «Медиазоны» не дошло: тот счел, что первые заданные вопросы «показывают определенную ангажированность».

В апреле 2017 года конкурсный управляющий попытался привлечь к субсидиарной ответственности председателя совета директоров «Судкомгрупп» Герберта Цатурова, но судья Истомин принял аналогичное решение и отказал.

Чудесная отмена приговора и новое решение

Пока вопрос о 229 миллионах рублей решался в арбитраже, Следственный комитет добивался разрешения на возбуждение уголовного дела против Корогодова у Высшей квалификационной коллегии судей.

Несколько раз заседание откладывалось из-за болезни судьи: в ноябре 2016 года Корогодову удалили пищевод. Лишь в январе 2017 года ВККС одобрила возбуждение дела, через полгода, в июле, соответствующее постановление подписал председатель Следственного комитета Александр Бастрыкин.

Уголовное дело рассматривала судья Симоновского районного суда Светлана Туманина в августе-декабре 2018 года. Как вспоминает уже бывший адвокат Мосин, на процессе выяснилось, что протоколы допросов четверых понятых были сфальсифицированы: следователь Гарри Оганесян вместо того, чтобы вызывать свидетелей к себе, распечатал протоколы, вручил их оперативной сотруднице и отправил ее ездить по Москве собирать подписи понятых. Об этом обстоятельстве, со слов Мосина, «женщина [свидетель] случайно

проговорилась: она сказала «ну да, та женщина [оперативный сотрудник], которая в метро привозила документы»».

Корогодову назначили пять с половиной лет колонии общего режима, Мосину — три. Они провели в СИЗО по полгода. Бывший судья вспоминает, что за это время его госпитализировали, в больнице «Матросской тишины» он провел три недели.

После трех лет разработки, следствия и суда, участия председателя СК, замглавы ФССП, Высшей квалификационной коллегии судей, приговор отменили из-за опечатки.

В техническом документе — постановлении о назначении заседания — говорится, что Мосину предъявлены обвинения не по статье 291.1 УК (посредничество во взяточничестве) а статье 290.1, такой в уголовном кодексе нет.

«Я так думаю, на самом деле, когда в апелляцию попали документы, подтверждающие, что Корогодов просто умрет, если останется в тюрьме, апелляция более подробно посмотрела. Они все коллеги-судьи, они для себя оценили, что это провокация, и не взяли на себя ответственность посадить человека на пять с половиной лет при таком диагнозе, по-человечески решили — пусть пересмотрят», — полагает адвокат Мосин.

Мосин с Корогодовым оказались на свободе, а в Симоновском суде стартовал новый процесс, уже под председательством судьи Репниковой. Прокурор в прениях попросил для них такие же сроки, что и в

первый раз. Подсудимые попросили не лишать их свободы.

21 февраля суд приговорил адвоката Мосина к двум годам лишения свободы. Обвинение ему переквалифицировали на покушение на мошенничество в особо крупном размере (часть 4 статьи 159 УК). Судье Корогодову дали три года и шесть месяцев. В начале заседания в зале не было конвойных — они появились уже во время оглашения резолютивной части приговора, когда стало понятно, что сроки судье и адвокату не будут условными. «Кого?» — спросил конвой; Мосин в ответ поднял руку. Взять с собой вещи ему и Корогодову не разрешили.

Редактор: Дмитрий Трещанин

---

1. До марта 2003 года — самостоятельное федеральное ведомство, после перешло в подчинение ФСБ
2. Федеральная служба судебных приставов, Донской занимал пост начальника отдела организационно-контрольного управления
3. Одной из них был завод «Бронницкий ювелир». Это предприятие, в свою очередь, расследователи связывали с Андреем Щировым, начальником отдела по контролю за оборотом наркотиков УВД по Западному административному округу Москвы, получившим известность после задержания журналиста «Медузы» Ивана Голунова.
4. в оперативных материалов он обозначался как «Коммерсант»
5. По данным из Единого государственного реестра юридических лиц